

АННА АХМАТОВА

Ч Е Т К И

СТИХИ

**КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ**

l.

СМЯТЕНІЕ.

I.

Было душно отъ жгучаго свѣта,
А взгляды его, какъ лучи...
Я только вздрогнула. Этотъ
Можетъ меня приручить.
Наклонился. Онъ что то скажетъ.
Отъ лица отхлынула кровь.
Пусть камнемъ надгробнымъ ляжетъ
На жизни моей любовь.

II.

Не любишь, не хочешь смотрѣть.
О, какъ ты красивъ, проклятый!
И я не могу взлетѣть,
А съ дѣтства была крылатой.
Мнѣ очи заститъ туманъ,
Сливаются вещи и лица...
И только красный тюльпанъ,
Тюльпанъ у тебя въ петлицѣ.

III.

Какъ велить простая учтивость,
Подошелъ ко мнѣ. Улыбнулся.
Полуласково, полулѣниво,
Поцѣлуемъ руки коснулся.
И загадочныхъ, древнихъ ликовъ
На меня поглядѣли очи...
Десять лѣтъ замираній и криковъ,
Всѣ мои безсонныя ночи
Я вложила въ тихое слово
И сказала его напрасно.
Отошелъ ты, и стало снова
На душѣ и пусто и ясно.

1913.

ПРОГУЛКА.

Перо задѣло о верхъ экипажа.
Я поглядѣла въ глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.

Безвѣтренъ вечеръ и грустью скованъ
Подъ сводомъ облачныхъ небесъ,
И словно тушью нарисованъ
Въ альбомѣ старомъ Булонскій Лѣсъ.

Бензина запахъ и сирени,
Насторожившійся покой...
Онъ снова тронулъ мои колѣни
Почти не дрогнувшей рукой.

1913. Май.

ВЕЧЕРОМЪ.

Звенѣла музыка въ саду
Такимъ невыразимымъ горемъ.
Свѣжо и остро пахли моремъ
На блюдѣ устрицы во льду.

Онъ мнѣ сказалъ: „Я вѣрный другъ!“
И моего коснулся платья...
Какъ непохожи на объятя
Прикосновенья этихъ рукъ.

Такъ глядятъ кошекъ или птицъ...
Такъ на наѣздницъ смотрятъ стройныхъ...
Лишь смѣхъ въ глазахъ его спокойныхъ
Подъ легкимъ золотомъ рѣсницъ.

А скорбныхъ скрипокъ голоса
Поютъ за стелющимся дымомъ :
„Благослови же небеса,
Ты первый разъ одна съ любимымъ.“

1913. Мартъ.

Всѣ мы бражники здѣсь, блудницы.
Какъ невесело вмѣстѣ намъ!
На стѣнахъ цвѣты и птицы
Томятся по облакамъ.

Ты куришь черную трубку,
Такъ страненъ дымокъ надъ ней.
Я надѣла узкую юбку,
Чтобъ казаться еще стройнѣй.

Навсегда забиты окошки.
Что тамъ — изморозь иль гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, какъ сердце мое тоскуетъ!
Не смертнаго ль часа жду?
А та, что сейчасъ танцуетъ,
Непремѣнно будетъ въ аду.

1 Января 1913.

Послѣ вѣтра и мороза было
Любо мнѣ погрѣться у огня.
Тамъ за сердцемъ я не услѣдила,
И его украли у меня.

Новогодній праздникъ длится пышно,
Влажны стебли новогоднихъ розъ,
А въ груди моей уже не слышно
Трепетанія стрекозъ.

Ахъ! не трудно угадать мнѣ вора,
Я его узнала по глазамъ.
Только страшно такъ, что скоро, скоро
Онъ вернетъ свою добычу самъ.

1914. Январь.

...И на ступеньки встрѣтить
Не вышли съ фонаремъ.
Въ невѣрномъ лунномъ свѣтѣ
Вошла я въ тихій домъ.

Подъ лампою зеленой,
Съ улыбкой неживой,
Другъ шепчетъ: „Сандрильона!
Какъ странень голосъ твой!“

Въ каминѣ гаснетъ пламя,
Томя, трещить сверчокъ.
Ахъ! кто то взялъ на память
Мой бѣлый башмачокъ.

И далъ мнѣ три гвоздики,
Не подымая глазъ.
О, милья улики,
Куда мнѣ спрятать васъ?

И сердцу горько вѣрить,
Что близокъ, близокъ срокъ,
Что всѣмъ онъ станетъ мѣрить
Мой бѣлый башмачекъ.

1913.

Безвольно пощады просятъ
Глаза. Что мнѣ дѣлать съ ними,
Когда при мнѣ произносятъ
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинкѣ въ поле,
Вдоль сѣрыхъ сложенныхъ бревенъ.
Здѣсь легкій вѣтеръ на волѣ
По весенему свѣжъ, неровенъ.

И томное сердце слышитъ
Тайную вѣсть о дальнемъ.
Я знаю: онъ живъ, онъ дышетъ,
Онъ смѣетъ быть не печальнымъ.

1912.

Покорно мнѣ воображенье
Въ изображеньѣ сѣрыхъ глазъ.
Въ моемъ Тверскомъ уединеньѣ
Я горько вспоминаю Васъ.

Прекрасныхъ рукъ счастливый плѣнникъ,
На лѣвомъ берегу Невы,
Мой знаменитый современникъ,
Случилось, какъ хотѣли Вы.

Вы, приказавшій мнѣ: довольно,
Пойди, убей свою любовь!
И вотъ, я таю, я безвольна,
Но все сильнѣй скучаетъ кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишетъ Вамъ,
Кто стать звенящими поможетъ
Еще не сказаннымъ словамъ?

Слѣпнево. 1913. Июль.

ОТРЫВОКЪ.

..... И кто то, во мракѣ деревъ незримый,
Зашуршалъ опавшей листвою
И крикнулъ: „Что сдѣлалъ съ тобой любимый,
Что сдѣлалъ любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелыя вѣки твои.
Онъ предалъ тебя тоскѣ и удушью
Отравительницы любви.

Ты давно перестала считать уколы,
Грудь мертва подъ острой иглой,
И напрасно стараешься быть веселой,
Легче въ гробъ тебѣ лечь живой!.. ..“

Я сказала обидчику: „Хитрый, черный,
Вѣрно, нѣтъ у тебя стыда.
Онъ тихій, онъ нѣжный, онъ мнѣ покорный,
Влюбленный въ меня навсегда!.....“

1912.

Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ. И она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мнѣ плечи и грудь въ мѣха.

И напрасно слова покорныя
Говоришь о первой любви.
Какъ я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

1913. Декабрь.

Не будемъ пить изъ одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцѣлуемся мы утромъ рано,
А ввечеру не поглядимъ въ окно.
Ты дышишь солнцемъ, я дышу луною,
Но живы мы любовію одною.

Со мной всегда мой вѣрный, нѣжный другъ,
Съ тобой твоя веселая подруга,
Но мнѣ понятенъ сѣрыхъ глазъ испугъ,
И ты виновникъ моего недуга.
Но краткихъ мы не учащаемъ встрѣчъ.
Такъ нашъ покой намъ суждено беречь.

Лишь голосъ твой поетъ въ моихъ стихахъ,
Въ твоихъ стихахъ мое дыханье вѣтъ.
О, есть костеръ, котораго не смѣтъ
Коснуться ни забвеніе, ни страхъ.....
И если бъ зналъ ты, какъ сейчасъ мнѣ любы
Твои сухія, розовыя губы.

1913.

У меня есть улыбка одна.
Такъ. Движенье чуть видное губъ.
Для тебя я ее берегу —
Вѣдь она мнѣ любовью дана.

Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь другихъ.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сѣроглазый женихъ.

1913.

Столько просьбъ у любимой всегда,
У разлюбленной просьбъ не бываетъ.....
Какъ я рада, что нынче вода
Подъ безцвѣтнымъ ледкомъ замираетъ.

И я стану — Христось, помоги! —
На покровъ этотъ свѣтлый и ломкій,
А ты письма мои береги,
Чтобы насъ разсудили потомки.

Чтобъ отчетливѣй и яснѣй
Ты былъ виденъ имъ, мудрый и смѣлый,
Въ біографіи славной твоей
Развѣ можно оставить пробѣлы?

Слишкомъ сладко земное питье,
Слишкомъ плотны любовныя сѣти.....
Пусть когда нибудь имя мое
Прочитають въ учебникѣ дѣти.

**И, печальную повѣсть узнавъ,
Пусть они улыбнутся лукаво.
Мнѣ любви и покоя не давъ,
Подари меня горькою славой.**

1913.

Въ послѣдній разъ мы встрѣтились тогда
На набережной, гдѣ всегда встрѣчались.
Была въ Невѣ высокая вода,
И наводненья въ городѣ боялись.

Онъ говорилъ о лѣтѣ и о томъ,
Что быть поэтомъ женщинѣ — нелѣпость.
Какъ я запомнила высокій царскій домъ
И Петропавловскую крѣпость —

Затѣмъ, что воздухъ былъ совсѣмъ не нашъ,
А какъ подарокъ Божій, такъ чудесень,
И въ этотъ часъ была мнѣ отдана
Послѣдняя изъ всѣхъ безумныхъ пѣсень.

· 914. Январь.

Здравствуй! Легкій шелестъ слышишь
Справа отъ стола?.....
Этихъ строчекъ не допишешь —
Я къ тебѣ пришла.
Неужели ты обидишь
Такъ, какъ въ прошлый разъ:
Говоришь, что рукъ не видишь,
Рукъ моихъ и глазъ.
У тебя свѣтло и просто,
Не гони меня туда,
Гдѣ подъ душнымъ сводомъ моста
Стынетъ грязная вода.

1913. Октябрь.

11.

Цвѣтовъ и неживыхъ вещей
Пріятенъ запахъ въ этомъ домѣ.
У грядокъ груды овощей
Лежать, пестры, на черноземѣ.

Еще струится холодокъ,
Но съ парниковъ снята рогожа.
Тамъ есть прудокъ, такой прудокъ
Гдѣ тина на парчу похожа.

А мальчикъ мнѣ сказалъ, боясь,
Совсѣмъ взволнованно и тихо,
Что тамъ живетъ большой карась
И съ нимъ большая карасиха.

1913.

Каждый день по новому тревоженъ,
Все сильнѣе запахъ спѣлой ржи.
Если ты къ ногамъ моимъ положенъ,
Ласковый, лежи.

Иволги кричатъ въ широкихъ кленахъ,
Ихъ ничѣмъ до ночи не унять.
Любо мнѣ отъ глазъ твоихъ зеленыхъ
Ось веселыхъ отгонять.

На дорогѣ бубенецъ зазвякалъ —
Памятенъ намъ этотъ легкій звукъ.
Я спою тебѣ, чтобъ ты не плакалъ,
Пѣсенку о вечерѣ разлукъ.

1913.

Мальчикъ сказалъ мнѣ: „Какъ это больно!“
И мальчика очень жаль.....
Еще такъ недавно онъ былъ довольнымъ
И только слыхаль про печаль.

А теперь онъ знаетъ все не хуже
Мудрыхъ и старыхъ васъ.
Потускнѣли и, кажется, стали уже
Зрачки ослѣпительныхъ глазъ.

Я знаю: онъ съ болью своей не сладить,
Съ горькой болью первой любви.
Какъ беспомощно, жадно и жарко гладить
Холодные руки мои.

1913. Осень.

Высокіе своды костела
Синѣй, чѣмъ небесная твердь.....
Прости меня, мальчикъ веселый,
Что я принесла тебѣ смерть —

За розы съ площадки круглой,
За глупыя письма твои,
За то, что, дерзкій и смуглый,
Мутно блѣднѣлъ отъ любви.

Я думала: ты нарочно —
Какъ взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочныхъ
Нельзя, какъ невѣсть, любить.

Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Слѣдилъ ты уже безстрастно
За мной вездѣ и всегда.

Какъ будто копилъ примѣты
Моей нелюбви. Прости!
Зачѣмъ ты принялъ обѣты
Страдальческаго пути?

И смерть къ тебѣ руки простерла ...
Скажи, что было потомъ?
Я не знала, какъ хрупко горло
Подъ синимъ воротникомъ.

Прости меня, мальчикъ веселый,
Совенокъ замученный мой!
Сегодня мнѣ изъ костела
Такъ трудно уйти домой.

1913. Ноябрь.

М. Лозинскому.

Онъ длится безъ конца — янтарный, тяжкій день!
Какъ невозможна грусть, какъ тщетно ожиданье!
И снова голосомъ серебрянымъ олень
Въ звѣринцѣ говоритъ о сѣверномъ сіяньѣ.

И я повѣрила, что есть прохладный снѣгъ,
И синяя купель для тѣхъ, кто нищъ и боленъ,
И санокъ маленькихъ такой невѣрный бѣгъ
Подъ звоны древніе далекихъ колоколенъ.

1912.

ГОЛОСЪ ПАМЯТИ.

О. А. Гальбовой-Судейкиной.

Что ты видишь, тускло на стѣну смотря,
Въ часъ, когда на небѣ поздняя заря ?

Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентійскіе сады ?

Или паркъ огромный Царскаго Села,
Гдѣ тебѣ тревога путь пересѣкла ?

Иль того ты видишь у своихъ колѣнъ,
Кто для бѣлой смерти твой покинулъ плѣнъ ?

Нѣтъ, я вижу стѣну только — и на ней
Отсвѣты небесныхъ, гаснущихъ огней.

1913. Іюнь. Слѣпнево.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотрѣть на небо, и молиться Богу,
И долго передъ вечеромъ бродить,
Чтобъ утомить ненужную тревогу.

Когда шуршать въ оврагѣ лопухи
И никнетъ гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тлѣнной, тлѣнной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижетъ мнѣ ладонь
Пушистый котъ, мурлыкаетъ умильнѣй,
И яркій загорается огонь
На башенкѣ озерной лѣсопильни.

Лишь изрѣдка прорѣзываетъ тишь
Крикъ аиста, слетѣвшаго на крышу.
— И если въ дверь мою ты постучишь,
Мнѣ кажется, я даже не услышу.

1912.

Здѣсь все то же, то же, что и прежде,
Здѣсь напраснымъ кажется мечтать.
Въ домѣ, у дороги непроѣзжей,
Надо рано ставни запирасть.

Тихій домъ мой пусть и непривѣтливъ,
Онъ на лѣсъ глядитъ однимъ окномъ.
Въ немъ кого то вынули изъ петли
И бранили мертваго потомъ.

Былъ онъ грустенъ или тайно-весель,
Только смерть — большое торжество.
На истертомъ красномъ плюшѣ кресель
Изрѣдка мелькаетъ тѣнь его.

И часы съ кукушкой ночи рады,
Все слышнѣй ихъ четкій разговоръ.
Въ щелочку смотрю я. Конокрады
Зажигаютъ подъ холмомъ костеръ.

И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымокъ.
Мнѣ не страшно. Я ношу на счастье
Темносиній, шелковый шнурокъ.

1912. Май.

БЕЗСОННИЦА.

Гдѣ то кошки жалобно мяукають,
Звукъ шаговъ я издали ловлю ...
— Хорошо твои слова баюкають:
Третій мѣсяць я отъ нихъ не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный ликъ твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница?
Развѣ плохо я тебѣ пою?

Окна тканью бѣлою завѣшены,
Полумракъ струится голубой ...
Или дальней вѣстью мы утѣшены,
Отчего мнѣ такъ легко съ тобой?

1912.

Ты знаешь, я томлюсь въ неволѣ,
О смерти Господа моля.
Но все мнѣ памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхаго колодца,
Надъ нимъ, какъ кипень, облака,
Въ поляхъ скрипучія воротца,
И запахъ хлѣба, и тоска.

И тѣ неяркіе просторы,
Гдѣ даже голосъ вѣтра слабъ,
И осуждающіе взоры
Спокойныхъ, загорѣлыхъ бабъ.

1913. Осень.

Углемъ намѣтилъ на лѣвомъ боку
Мѣсто, куда стрѣлять,
Чтобъ выпустить птицу — мою тоску —
Въ пустынную ночь опять.

Милый! Не дрогнетъ твоя рука,
И мнѣ недолго терпѣть.
Вылетитъ птица — моя тоска, —
Сядетъ на вѣтку и станетъ пѣть.

Чтобъ тотъ, кто спокоенъ въ своемъ дому,
Раскрывши окно, сказалъ :
„Голосъ знакомый, а словъ не пойму“ —
И опустилъ глаза.

31 Января 1914. Петербургъ.

III.

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душѣ,
Ты, всегда въ путяхъ своихъ увѣренный,
Свѣтъ узрѣвшій въ шалашѣ.

И тебѣ, печально-благодарная,
Я за это расскажу потомъ,
Какъ меня томила ночь угарная,
Какъ дышало утро льдомъ.

Въ этой жизни я не много видѣла,
Только пѣла и ждала.
Знаю : брата я не ненавиѣла
И сестры не предала.

Отчего же Богъ меня наказывалъ
Каждый день и каждый часъ ?
Или это Ангелъ мнѣ указывалъ
Свѣтъ, невидимый для насъ ...

1912. Май. Флоренція.

Вижу выцвѣтшій флагъ надъ таможей
И надъ городомъ желтую муть.
Вотъ ужъ сердце мое осторожнѣй
Замираетъ, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской дѣвчонкой
Туфли на босу ногу надѣть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованнымъ голосомъ пѣть.

Все глядѣть бы на смуглыя главы
Херсонесскаго храма съ крыльца,
И не знать, что отъ счастья и славы
Безнадежно дряхлѣютъ сердца.

1913.

Плотно сомкнуты губы сухія.
Жарко пламя трехъ тысячъ свѣчей.
Такъ лежала княжна Евдокія
На сапфирной душистой парчѣ.

И, согнувшись, безслезно молилась
Ей о слѣпенькомъ мальчикѣ мать,
И кликуша безъ голоса билась,
Воздухъ сиясь губами поймать.

А пришедшій изъ южнаго края
Черноглазый, горбатый старикъ,
Словно къ двери небеснаго рая,
Къ потемнѣвшей ступенькѣ преникъ.

1913. Осень.

Даль Ты мнѣ молодость трудную.
Столько печали въ пути.
Какъ же мнѣ душу скудную
Богатой Тебѣ принести.
Долгую пѣсню, льстивая,
О славѣ, поетъ судьба.
Господи! Я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду въ садахъ Отца.
Я дрожу надъ каждой соринкою,
Надъ каждымъ словомъ глупца.

19 Декабря 1912.

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила :
Милый, нынче праздникъ твой.

Оттого и оснѣженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Какъ причастница спала.

8 Ноября 1913.

Ты пришелъ меня утѣшить, милый,
Самый нѣжный, самый кроткій...
Отъ подушки приподняться нѣту силы,
А на окнахъ частыя рѣшетки.

Мертвой, думалъ, ты меня застанешь,
И принеси вѣночекъ неискусный.
Какъ улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмѣшливый и грустный.

Что теперь мнѣ смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебѣ и всѣмъ, кого ты любишь.

1913. Май. Петербургъ.

Умирая, томлюсь о безсмертьи.
Низко облако пыльной мглы...
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чанъ зловонной смолы.

Приползайте ко мнѣ, лукавьте,
Угрозы изъ ветхихъ книгъ,
Только память вы мнѣ оставьте,
Только память въ послѣдній мигъ.

Чтобъ въ томительной вереницѣ
Не чужимъ показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.

Смертный часъ, наклонясь, напоить
Прозрачную сулемой...
А люди придуть, зареютъ
Мое тѣло и голосъ мой.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, другъ, прочти.
Надоѣло мнѣ быть незнакомкой,
Быть чужой на твоёмъ пути.

Не гляди такъ, не хмурься гнѣвно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я —

Въ этомъ сѣромъ будничномъ платьѣ,
На стоптанныхъ каблукахъ...
Но, какъ прежде, жгуче объятье,
Тотъ же страхъ въ огромныхъ глазахъ.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о завѣтной лжи,
И его въ своей бѣдной котомкѣ
На самое дно положи.

1912.

ИСПОВѢДЬ.

Умолкъ простившій мнѣ грѣхи,
Лиловый сумракъ гаситъ свѣчи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тотъ ли голосъ: „Дѣва! встань...“
Удары сердца чаще, чаще...
Прикосновеніе сквозь ткань
Руки, разсѣянно крестящей...

1911. Царское Село.

Въ ремешкахъ пеналъ и книги были,
Возвращалась я домой изъ школы.
Эти липы, вѣрно, не забыли
Нашу встрѣчу, мальчикъ мой веселый.

Только, ставши лебедемъ надменнымъ,
Измѣнился сѣрый лебеденокъ.
А на жизнь мою лучемъ нетлѣннымъ
Грусть легла, и голосъ мой незвонокъ.

1912. Царское Село.

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платокъ хранить.
Молчить, а ликуеть, какъ Царь Давидъ.
Въ морозной кельѣ бѣлы стѣны,
И съ нимъ никто не говоритъ.

Приду и стану на порогъ,
Скажу: „Отдай мнѣ мой платокъ!“

1912. Осень.

Я съ тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у васъ заведено
Съ кѣмъ попало цѣловаться подъ луной.

А у насъ тишь да гладь,
Божья благодать.

А у насъ свѣтлыхъ глазъ
Нѣтъ приказу подымать.

1913. Декабрь.

Вечерніе часы передъ столомъ,
Непоправимо бѣлая страница,
Мимоза пахнетъ Нищей и тепломъ,
Въ лучѣ луны летитъ большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Какъ будто завтра будутъ нужны косы,
Въ окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имѣетъ человѣкъ,
Который даже нѣжности не просить..
Я не могу поднять усталыхъ вѣкъ,
Когда мое онъ имя произносить.

1913. Лѣто.

IV.

Какъ вплелась въ мои темныя косы
Серебристая бѣлая прядь —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумѣешь понять.

Чуткимъ слухомъ далекое слышишь
И на тонкія вѣтки ракичь,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь
Если пѣсня чужая звучить.

И еще такъ недавно, недавно
Замирали вокругъ тополя,
И звенѣла и пѣла отравно
Несказанная радость твоя.

1912.

Я пришла тебя смѣнить, сестра,
У лѣсного, у высокаго костра.

Посѣдѣли твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пѣнья птицъ,
Ты ни звѣздъ не замѣчаешь, ни зарницъ.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя смѣнить, сестра,
У лѣсного, у высокаго костра.

Ты пришла меня похоронить.
Гдѣ же заступъ твой, гдѣ лопата?
Только флейта въ рукахъ твоихъ.
Я не буду тебя винить,
Развѣ жаль, что давно, когда то,
Навсегда мой голось затихъ.

Мои одежды надѣнь,
Позабудь о моей тревогѣ,
Дай вѣтру кудрями играть.
Ты пахнешь, какъ пахнетъ сирень,
А пришла по трудной дорогѣ,
Чтобы здѣсь озаренной стать.

И одна ушла, уступая,
Уступая мѣсто другой,
И невѣрно брела, какъ слѣпая,
Незнакомой, узкой тропой.

И все чудилось ей, что пламя
Близко. Бубень держитъ рука.
И она, какъ бѣлое знамя,
И она, какъ свѣтъ маяка.

1912.

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГѢ.

1.

Вновь Исакій въ облаченьѣ
Изъ литого серебра...
Стынетъ въ грозномъ нетерпѣньѣ
Конь Великаго Петра.

Вѣтеръ душный и суровый
Съ черныхъ трубъ сметаетъ гарь...
Ахъ! своей столицей новой
Недоволенъ Государь.

II.

Сердце бьется ровно, мѣрно,
Что мнѣ долгіе года!
Вѣдь подъ аркой на Галерной
Наши тѣни навсегда.
Сквозь опущенныя вѣки
Вижу, вижу, ты со мной —
И въ рукѣ твоей навѣки
Неоткрытый вѣеръ мой.
Оттого, что стали рядомъ
Мы въ блаженный мигъ чудесь,
Въ мигъ, когда надъ Лѣтнимъ Садамъ
Мѣсяць розовый воскресъ —
Мнѣ не надо ожиданій
У постылаго окна
И томительныхъ свиданій,
Ахъ! любовь утолена.
Ты свободенъ, я свободна,
Завтра лучше, чѣмъ вчера —
Надъ Невою темноводной,
Подъ улыбкою холодной
Императора Петра.

1913.

Меня покинулъ въ новолунье
Мой другъ любимый. Ну, такъ что-жь!
Шутилъ: „Канатная плясунья!
Какъ ты до мая доживешь?“

Ему отвѣтила, какъ брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не замѣнять мнѣ утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшень путь мой, пусть опасень,
Еще страшнѣе путь тоски...
Какъ мой китайскій зонтикъ красень,
Натерты мѣломъ башмачки.

Оркестръ веселое играетъ,
И улыбаются уста,
Но сердце знаетъ, сердце знаетъ,
Что ложа пятая пуста!

1912.

Знаю, знаю — снова лыжи
Сухо заскрипятъ,
Въ синемъ небѣ мѣсяць рыжій,
Лугъ такъ сладостно-покатъ.

Во дворцѣ горятъ окошки,
Тишиной удалены,
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалокъ,
Не мѣшай мнѣ на пути,
Въ снѣжныхъ вѣткахъ черныхъ галокъ,
Черныхъ галокъ пріюти.

1913. Октябрь. Царское Село.

ВЕНЕЦІЯ.

Золотая голубятня у воды,
Ласковый и млѣюще зеленой,
Заметаеть вѣтерокъ солёный
Черныхъ лодокъ узкіе слѣды.

Столько нѣжныхъ, странныхъ лицъ въ толпѣ,
Въ каждой лавкѣ яркія игрушки:
Съ книгой левъ на вышитой подушкѣ,
Съ книгой левъ на мраморномъ столбѣ.

Какъ на древнемъ, выцвѣтшемъ холстѣ,
Стынетъ небо тускло-голубое,
Но не тѣсно въ этой тѣснотѣ,
И не душно въ сырости и зноѣ.

1912. Августъ.

Протертый коврикъ подь иконой,
Въ прохладной комнатѣ темно,
И густо плющъ темнозеленый
Завиль широкое окно.

Отъ розъ струится запахъ сладкій,
Трещить лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна бѣлѣютъ пальцы...
Твой профиль тонокъ и жестокъ.
Ты зацѣлованные пальцы
Брезгливо прячешь подь платокъ.

А сердцу стало страшно биться,
Такая въ немъ теперь тоска...
И въ косахъ спутанныхъ таится
Чуть слышный запахъ табака.

1912.

ГОСТЬ.

Все, какъ раньше. Въ окна столовой
Бьется мелкій, метельный снѣгъ.
И сама я не стала новой,
А ко мнѣ приходилъ человѣкъ.
Я спросила: „Чего ты хочешь?“
Онъ сказалъ: „Быть съ тобой въ аду.“
Я смѣялась: „Ахъ, напророчишь
Намъ обоимъ, пожалуй, бѣду.“
Но, поднявши руку сухую,
Онъ слегка потрогалъ цвѣты:
„Разкажи, какъ тебя цѣлуютъ,
Разкажи, какъ цѣлуешь ты.“
И глаза, глядящіе тускло,
Не сводилъ съ моего кольца.
Ни одинъ не двинулся мускуль
Просвѣтленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мнѣ не въ чемъ ему отказать.

1 Января. 1914.

Александрѹ Блоку.

Я пришла къ поэту въ гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо въ комнатѣ просторной,
А за окнами морозъ.

Тамъ малиновое солнце
Надъ лохматымъ сизымъ дымомъ...
Какъ хозяинъ молчаливый
Ясно смотреть на меня.

У него глаза такіе,
Что запомнить каждый долженъ,
Мнѣ же лучше, осторожной,
Въ нихъ и вовсе не глядѣть.

Но запомнится бѣсѣда,
Дымный полдень, воскресенье,
Въ домѣ съромъ и высокомъ
У морскихъ воротъ Невы.

1914. Январь.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Въ то время я гостила на землѣ.
Мнѣ дали имя при крещеньѣ — Анна,
Сладчайшее для губъ людскихъ и слуха.
Такъ дивно знала я земную радость
И праздниковъ считала не двѣнадцать,
А столько, сколько было дней въ году.
Я, тайному велѣнію покорна,
Товарища свободаго избравъ,
Любила только солнце и деревья.
И осенью, однажды, иностранку
Я встрѣтила въ лукавый часъ зари,
И вмѣстѣ мы купались въ тепломъ морѣ.
Ея одежда странной мнѣ казалась,
Еще страннѣе — губы. А слова,
Какъ звѣзды, падали, сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тѣло
Неопытное на тугихъ волнахъ.
И часто, стоя въ голубой водѣ,
Она со мной неспѣшно говорила,
И мнѣ казалось, что вершины лѣса
Слегка шумятъ, или хрустятъ песокъ,

Иль голосомъ серебрянымъ волынка
Вдали поеть о вечерѣ разлукъ.
Но словъ ея я помнитъ не могла
И часто ночью съ болью просыпалась.
Мнѣ чудился полуоткрытый ротъ,
Ея глаза и гладкая прическа.
Какъ вѣстника небеснаго, молила
Я дѣвушку печальную тогда:
„Скажи, скажи, зачѣмъ угасла память,
И, такъ томительно лаская слухъ,
Ты отняла блаженство повторенья...“
И только разъ, когда я виноградъ
Въ плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидѣла на травѣ,
Глаза закрывъ и распустивши косы,
И томною была и утомленной
Отъ запаха тяжелыхъ синихъ ягодъ
И прянаго дыханья дикой мяты,
Она слова чудесныя вложила
Въ сокровищницу памяти моей.
И, полную корзинку уронивъ,
Припала я къ землѣ сухой и душной,
Какъ къ милому, когда поеть любовь.

1913.

СТИХИ ИЗЪ КНИГИ

„ВЕЧЕРЪ“

ЛЮБОВЬ.

То змѣйкой, свернувшись клубкомъ,
У самага сердца колдуетъ,
То цѣлые дни голубкомъ
На бѣломъ окошкѣ воркуеть,

То въ инеѣ яркомъ блеснетъ,
Почудится въ дремѣ левкоя...
Но вѣрно и тайно ведетъ
Отъ радости и отъ покоя.

Умѣетъ такъ сладко рыдать
Въ молитвѣ тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
Въ еще незнакомой улыбкѣ.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

I.

По аллеѣ проводятъ лошадокъ.
Длинны волны расчесанныхъ гривъ.
О, плѣнительный городъ загадокъ,
Я печальна, тебя полюбивъ.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась въ предсмертномъ бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Какъ мой розовый другъ какаду.

Грудь предчувствіемъ боли не сжата,
Если хочешь, въ глаза погляди.
Не люблю только часъ предъ закатомъ,
Вѣтеръ съ моря и слово „уйди“.

II.

... А тамъ мой мраморный двойникъ,
Поверженный подъ старымъ кленомъ,
Озернымъ водамъ отдалъ ликъ,
Внимаетъ шорохамъ зеленымъ.

И моютъ свѣтлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, бѣлый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

III.

Смуглый отрокъ бродилъ по аллеямъ
У озерныхъ глухихъ береговъ.
И столѣтіе мы лелѣемъ
Еле слышный шелестъ шаговъ.

Иглы сосенъ густо и колко
Устилаютъ низкіе пни...
Здѣсь лежала его треуголка
И растрепанный томъ Парни.

И мальчикъ, что играетъ на волынкѣ,
И дѣвочка, что свой плететь вѣнокъ,
И двѣ въ лѣсу скрестившихся тропинки,
И въ дальнемъ полѣ дальній огонекъ, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко въ сердцѣ берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О, только дайте грѣться у огня.
Мнѣ холодно! Крылатый иль безкрылый,
Веселый Богъ не посѣтитъ меня.

Любовь покоряетъ обманно
Напѣвомъ простымъ, неискуснымъ.
Еще такъ недавно-странно
Ты не былъ сѣдымъ и грустнымъ.

И когда она улыбалась
Въ садахъ твоихъ, въ домѣ, въ полѣ,
Повсюду тебѣ казалось,
Что вольный ты и на волѣ.

Былъ свѣтель ты, взятый ею
И пившій ея отравы.
Вѣдь звѣзды были крупнѣе,
Вѣдь пахли иначе травы,
Осеннія травы.

Сжала руки подъ темной вуалью...
„Отчего ты сегодня блѣдна?“
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Какъ забуду? Онъ вышелъ, шатаясь,
Искривился мучительно ротъ,
Я сбѣжала, периль не касаясь,
Я бѣжала за нимъ до воротъ.

Задыхаясь, я крикнула: „Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру.“
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказалъ мнѣ: „Не стой на вѣтру.“

Память о солнцѣ въ сердцѣ слабѣеть,
Желтѣй трава,
Вѣтеръ снѣжинками ранними вѣетъ
Едва, едва.

Ива на небѣ пустомъ распластала
Вѣеръ сквозной.
Можетъ быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнцѣ въ сердцѣ слабѣеть,
Что это? — Тьма?
Можетъ быть! За ночь прійти успѣетъ
Зима.

Высоко въ небѣ облачко сѣрѣло,
Какъ бѣличья разстеленная шкурка.
Онъ мнѣ сказалъ: „Не жаль, что ваше тѣло
Растаетъ въ мартѣ, хрупкая Снѣгурка!“

Въ пушистой муфтѣ руки холодѣли,
Мнѣ стало страшно, стало какъ то смутно.
О, какъ вернуть васъ, быстрья недѣли
Его любви воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру съ послѣдней бѣлой вьюгой.
О немъ гадала я въ канунъ Крещенья,
Я въ январѣ была его подругой.

Дверь полуоткрыта,
Вѣютъ липы сладко...
На столѣ забыты
Хлыстикъ и перчатка.

Кругъ отъ лампы желтый...
Шорохамъ внимаю.
Отчего ушелъ ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будетъ утро,
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсѣмъ устало,
Бьешься тише, глуше.
Знаешь, я читала
Что безсмертны души.

ПѢСНЯ ПОСЛѢДНЕЙ ВСТРѢЧИ.

Такъ безпомощно грудь холодѣла,
Но шаги мои были легки,
Я на правую руку надѣла
Перчатку съ лѣвой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала, ихъ только три!
Между кленовъ шопоть осенній
Попросилъ: „Со мною умри!

Я обмануть, слышишь, унылой,
Перемѣнчивой, злой судьбой.“
Я отвѣтила: „Милый, милый!
И я тоже. — Умру съ тобой...“

Это пѣсня послѣдней встрѣчи.
Я взглянула на темный домъ.
Только въ спальнѣ горѣли свѣчи
Равнодушно-желтымъ огнемъ.

Какъ соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкусъ ея горекъ и хмелень.
Но я пытку мольбой не нарушу,
О, покой мой многонедѣлень.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нѣтъ на свѣтѣ.
Я пойду дорогой недалней
Посмотрѣть, какъ играютъ дѣти.

На кустахъ зацвѣтаетъ крыжовникъ,
И везутъ кирпичи за оградой.
Кто ты! — Братъ мой или любовникъ,
Я не помню, и помнить не надо.

Какъ свѣтло здѣсь и какъ безпріютно,
Отдыхаетъ усталое тѣло...
А прохожіе думаютъ смутно:
Вѣрно только вчера овдовѣла.

Я сошла съ ума, о, мальчикъ странный,
Въ среду, въ три часа!
Уколола палецъ безымянный
Мнѣ звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И казалось, умерла она,
Но конецъ отравленнаго жала
Быль острѣй веретена.

О тебѣ ли я заплачу, странномъ,
Улыбнется-ль мнѣ твое лицо?
Посмотри! На пальцѣ безымянномъ
Такъ красиво гладкое кольцо.

ПОХОРОНЫ.

Я мѣсто ищу для могилы.
Не знаешь ли, гдѣ свѣтлѣй?
Такъ холодно въ полѣ. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла въ покою
И любить солнечный свѣтъ.
Я келью надъ ней построю,
Какъ домъ нашъ, на много лѣтъ.

Между окнами будетъ дверца,
Лампадку внутри зажжемъ,
Какъ будто темное сердце
Алымъ горить огнемъ.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказалъ монахъ, укоряя:
„Не для васъ, не для грѣшныхъ рай“.

И тогда, побѣлѣвъ отъ боли,
Прошептала: „Уйду съ тобой!“
Вотъ одни мы теперь на волѣ,
И у ногъ голубой прибой.

ОБМАНЪ.

М. А. Змунчила.

I.

Весеннимъ солнцемъ это утро пьяно,
И на террасѣ запахъ розъ слышнѣй,
А небо ярче синяго фаянса.
Тетрадь въ обложкѣ мягкаго сафьяна,
Читаю въ ней элегіи и стансы,
Написанные бабушкѣ моей.

Дорогу вижу до воротъ, и тумбы
Бѣлѣютъ четко въ изумрудномъ дернѣ,
О, сердце любить сладостно и слѣпо!
И радуютъ пестрѣющія клумбы,
И рѣзкій крикъ вороны въ небѣ черной,
И въ глубинѣ аллеи арка sklepa.

II.

Жарко вѣтъ вѣтеръ душный,
Солнце руки обожгло.
Надо мною сводъ воздушный,
Словно синее стекло.

Сухо пахнуть иммортели
Въ разметавшейся косѣ.
На стволѣ корявой ели
Муравьиное шоссе.

Прудъ лѣниво серебрится,
Жизнь по новому легка.
Кто сегодня мнѣ приснится
Въ пестрой сѣткѣ гамака?

III.

Синій вечеръ. Вѣтры кротко стихли,
Яркій свѣтъ зоветъ меня домой.
Я гадаю. Кто тамъ? — не женихъ ли,
Не женихъ ли это мой?...

На террасѣ силуэтъ знакомый,
Еле слышенъ тихій разговоръ.
О, такой плѣнительной истомы
Я не знала до сихъ поръ.

Тополя тревожно прошуршали,
Нѣжные ихъ посѣтили сны,
Небо цвѣта вороненой стали,
Звѣзды матово-блѣдны.

Я несу букетъ левкоевъ бѣлыхъ,
Для того въ нихъ тайный скрытъ огонь,
Кто, беря цвѣты изъ рукъ несмѣлыхъ,
Тронетъ теплую ладонь.

IV.

Я написала слова,
Что долго сказать не смѣла.
Тупо болить голова,
Странно нѣмѣть тѣло.

Смолкъ отдаленный рожокъ,
Въ сердцѣ все тѣ же загадки,
Легкій осенній снѣжокъ
Легъ на крокетной площадкѣ.

Листьямъ послѣднимъ шуршать!
Мыслямъ послѣднимъ томиться!
Я не хотѣла мѣшать
Тѣмъ, что должны веселиться.

Краснымъ простила губамъ
Я ихъ веселую шутку...
О, Вы прїѣдете къ намъ
Завтра по первопутку.

Свѣчи въ гостиной зажгутъ,
Днемъ ихъ мерцанье нѣжнѣе,
Цѣлый букетъ принесутъ
Розъ изъ оранжереи.

Мнѣ съ тобою, пьянымъ, весело,
Смысла нѣтъ въ твоихъ разказахъ.
Осень ранняя развѣсила
Флаги желтые на вязахъ.

Оба мы въ страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачѣмъ улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотѣли муки жалящей
Вмѣсто счастья безмятежнаго...
Не покину я товарища,
И безпутнаго и нѣжнаго.

Мужъ хлесталъ меня узорчатымъ,
Вдвое сложеннымъ ремнемъ.
Для тебя въ окошкѣ створчатомъ
Я всю ночь сижусь съ огнемъ.

Разсвѣтаетъ. И надъ кузницей
Подымается дымокъ.
Ахъ, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не смогъ.

Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь бѣлокурую,
Или рыжая мила?

Какъ мнѣ скрыть васъ, стоны звонкіе!
Въ сердцѣ темный, душный хмель.
А лучи ложатся тонкіе
На несмятую постель.

ПЪСЕНКА.

Я на солнечномъ восходѣ
Про любовь пою,
На колѣняхъ въ огородѣ
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю
(Пусть проститъ меня),
Вижу, дѣвочка босая
Плачетъ у плетня.

Страшно мнѣ отъ звонкихъ воплей
Голоса бѣды,
Все сильнѣе запахъ теплый
Мертвой лебеды.

Я на солнечномъ восходѣ
Про любовь пою,
На колѣняхъ въ огородѣ
Лебеду пою.

Я пришла сюда, бездѣльница,
Все равно мнѣ, гдѣ скучать!
На пригоркѣ дремлетъ мельница,
Годы можно здѣсь молчать.

Надъ засохшей павиликою
Мягко плаваеъ пчела,
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Прудъ широкій, обмелѣлъ.
Надъ трепещущей осиною
Легкій мѣсяць заблестѣлъ.

Замѣчаю все, какъ новое.
Влажно пахнуть тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, — земля.

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Ахъ, дверь не запираю я,
Не зажигала свѣчь,
Не знаешь, какъ, усталая,
Я не рѣшалась лечь.

Смотрѣть, какъ гаснуть полосы
Въ закатномъ мракѣ хвой,
Пьянѣя звукомъ голоса,
Похожаго на твой.

И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый адъ!
О, я была увѣрена,
Что ты придешь назадъ.

Подъ навѣсомъ темной риги жарко,
Я смѣюсь, а въ сердцѣ злобно плачу.
Старый другъ бормочеть мнѣ: „Не каркай!
Мы ль не встрѣтимъ на пути удачу!“

Но я другу старому не вѣрю,
Онъ смѣшной, незрячій и убогій,
Онъ всю жизнь свою шагами мѣрилъ
Длинные и скучныя дороги.

И звенить, звенить мой голосъ ломкій,
Звонкій голосъ не узнавшихъ счастья:
„Ахъ, пусты дорожныя котомки,
А на завтра голодъ и ненастье!“

Хорони, хорони меня, вѣтеръ!
Родные мои не пришли,
Надо мною блуждающій вечеръ
И дыханье тихой земли.

Я была, какъ и ты, свободной,
Но я слишкомъ хотѣла жить:
Видишь, вѣтеръ, мой трупъ холодный,
И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану
Покровомъ вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.

И чтобъ мнѣ легко, одинокой,
Отойти къ послѣдному сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.

МУЗЪ.

Муза сестра заглянула въ лицо,
Взглядъ ея ясенъ и ярокъ,
И отняла золотое кольцо,
Первый весенній подарокъ.

Муза! ты видишь, какъ счастливы всѣ —
Дѣвушки, женщины, вдовы,
Лучше погибну на колесѣ,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, не мнѣ обрывать
Нѣжный цвѣтокъ маргаритку,
Долженъ на этой землѣ испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошкѣ свѣчу
И ни о комъ не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, какъ цѣлуютъ другую.

Завтра мнѣ скажутъ, смѣясь, зеркала:
„Взоръ твой не ясенъ, не ярокъ...“
Тихо отвѣчу: „Она отняла
Божій подарокъ.“

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА.

Я говорю сейчас словами тѣми,
Что только разъ рождаются въ душѣ.
Жужжить пчела на бѣлой хризантемѣ,
Такъ душно пахнетъ старое саше.

И комната, гдѣ окна слишкомъ узки,
Хранить любовь и помнить старину,
А надъ кроватью надпись по французски
Гласить: „Seigneur, ayez pitié de nous.“

Ты сказки давней горестныхъ замѣтокъ,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящихъ севрскихъ статуэтокъ
Померкли гляцевитые плащи.

Послѣдній лучъ, и желтый и тяжелый,
Застыль въ букетѣ яркихъ георгинъ,
И, какъ во снѣ, я слышу звукъ віолы
И рѣдкіе аккорды клавесинъ.

СЪРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ.

Слава тебѣ, безысходная боль!
Умерь вчера съроглазый король.

Вечерь осенній былъ душень и аль,
Мужь мой, вернувшись, спокойно сказалъ:

„Знаешь, съ охоты его принесли,
Тѣло у стараго дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!...
За ночь одну она стала сѣдой.“

Трубку свою на каминѣ нашель
И на работу ночную ушелъ.

Дочку мою я сейчасъ разбужу,
Въ сѣрые глазки ея погляжу.

А за окномъ шелестятъ тополя:
„Нѣтъ на землѣ твоего короля...“

РЫБАКЪ.

Руки голы выше локтя,
А глаза синѣй, чѣмъ ледъ.
Ѣдкій, душный запахъ дегтя,
Какъ загарь, къ тебѣ идетъ.

И всегда, всегда распахнуть
Воротъ куртки голубой,
И рыбачки только ахнутъ,
Закраснѣвшись предъ тобой.

Даже дѣвочка, что ходитъ
Въ городъ, продавать камсу,
Какъ потерянная, бродитъ
Вечерами на мысу.

Щеки блѣдны, руки слабы,
Истомленный взоръ глубокъ,
Ноги ей щекочутъ крабы,
Выползая на песокъ.

Но она уже не ловитъ
Ихъ протянутой рукой,
Все сильнѣй бѣенье крови
Въ тѣлѣ, раненомъ тоской.

Вѣръ Ивановой-Шварсалонъ.

Туманомъ легкимъ паркъ наполнился
И вспыхнулъ на воротахъ газъ.
Мнѣ только взгляды одинъ запомнился
Незнающихъ, спокойныхъ глазъ.

Твоя печаль, для всѣхъ неявная,
Мнѣ сразу сдѣлалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мнѣ тоска.

Я этотъ день люблю и праздную,
Приду, какъ только позовешь.
Меня, и грѣшную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНІЕ.

I.	стр
Смятеніе 1	7
2	8
3	9
Прогулка	10
Вечеромъ	11
Всѣ мы бражники здѣсь, блудницы	12
Послѣ вѣтра и мороза было	13
И на ступеньки встрѣтить	14
Безволью пощады просить	16
Покорно мнѣ воображеніе	17
Отрывокъ	18
Настоящую нѣжность не спутаешь	19
Не будемъ пить изъ одного стакана	20
У меня есть улыбка одна	21
Столько просьбъ у любимой всегда	22
Въ послѣдній разъ мы встрѣтились тогда	24
Здравствуй! Легкій шелестъ слышишь	25

II.

стр.

Цвѣтовъ и неживыхъ вещей	29
Каждый день поновому тревоженъ	30
Мальчикъ сказалъ мнѣ: «Какъ это больно!»	31
Высокіе своды костела	32
Онъ длится безъ конца — янтарный, тяжкій день	34
Голосъ памяти	35
Я научилась просто, мудро жить	36
Здѣсь все то же, то-же, что и прежде	37
Бессонница	39
Ты знаешь, я томлюсь въ неволѣ	40
Углемъ намѣтилъ на лѣвомъ боку	41

III.

Помолись о нищей, о потерянной	45
Вижу выпцвѣтшій флагъ надъ таможей	46
Плотно сомкнуты губы сухія	47
Даль Ты мнѣ молодость трудную	48
Солнце комнату наполнило	49
Ты пришелъ меня утѣшить, милый	50
Умирая, томлюсь о безсмертьи	51
Ты письмо мое, милый, не комкай	52
Исповѣдь	53
Въ ремешкахъ пеналь и книги были	54
Со дня Купальницы-Аграфены	55
Я съ тобой не стану пить вино	56
Вечерніе часы передъ столомъ	57

Какъ вплелась въ мои темныя косы	61
Я пришла тебя смѣнять, сестра	62
Стихи о Петербургѣ 1.	64
2.	65
Меня покинулъ въ новолунье	66
Знаю, знаю — снова лыжи	67
Венеція	68
Протертый коврикъ подъ иконой	69
Гость	70
Я пришла къ поэту въ гости	71
Отрывокъ изъ поэмы	72

(Стихи изъ книги „Вечеръ“.)

Любовь	77
Въ Царскомъ Селѣ 1.	78
2.	79
3.	80
И мальчикъ, что играетъ на волынкѣ	81
Любовь покоряетъ обманно	82
Сжала руки подъ темной вуалью	83
Память о солнцѣ въ сердцѣ слабѣтъ	84
Высоко въ небѣ облачко сѣрѣло	85
Дверь полуоткрыта	86
Пѣсня послѣдней встрѣчи	87
Какъ соломинкой, пьешь мою душу	88
Я сошла съ ума, о мальчикъ странный	89
Похороны	90

Обманъ 1.	91
2.	92
3.	93
4.	94
Мнѣ съ тобою, пьянымъ, весело	95
Мужъ хлесталъ меня узорчатымъ	96
Пѣсенка	97
Я пришла сюда, бездѣльница	98
Бѣлой ночью	99
Подъ навѣсомъ темной риги жарко	100
Хорони, хорони меня, вѣтеръ!	101
Музѣ	102
Вечерняя комната	103
Сѣроглазый король	104
Рыбакъ	105
Туманомъ легкимъ паркъ наполнился	106

